

- 1916 // Биржевые ведомости. 1917. 17 февр., утр. вып. С. 6.
- Кроткий Э. Война и поэты: (Из альбома пародий) // Одесские новости. 1914. 13 дек. С. 6.
- Кудрявцев П. Об одном мотиве в русской поэзии последнего времени // Эпоха. Киев, 1915. № 2. 8 февр. С. 4.
- Левидов М. Бессильные // Жемчужина. Пб., 1914. 24 нояб. С. 16.
- Масляненко Д. Русские поэты о современной войне // Исторический вестник. Пг., 1915. № 1. С. 243.
- Неведомский М. Что случилось в нашей литературе? (О поэзии и прозе наших дней) // Современник. 1915. № 5.
- Никольский Ю. Александр Блок о России // Русская мысль. М.; П., 1915. № 311. С. 16–19.
- Ожигов А. Война и русская литература // Книга о войне: Беспл. прилож. к газ. «Современное слово». Пб., 1915. С. 225–226.
- Ожигов А. Рец. на кн.: А. Блок. Стихи о России. Пг., 1915 // Современный мир. Пг., 1915. № 9. С. 188–189.
- Оксенов И. Литературный год // Новый журнал для всех. Пг., 1916. № 1. С. 58.
- Робакидзе-Кавкасиели Г. Война и культура: О русском гении // Кавказ. Тифлис, 1914. 5 дек. С. 3.
- Рындзюн В. «Сегодня» и «вчера» в русской поэзии // Приазовский край. Ростов н/Д., 1916. 3 июля. С. 2.
- Философов Д. Две души // Речь. Пг., 1916. 1 янв. С. 5.
- Фортунатов Л. Стихи о родине // Журнал журналов. Пг., 1916. 25 мая. С. 8.
- Чемоданов А. Рец. на кн.: Бельгийский сборник. Пг., 1915 // Вешние воды. 1915. № 7 <март–июнь>. С. 192.

Воспоминания

- Маковский С.К. На Парнасе «Серебряного века». Мюнхен, 1962. С. 158, 166.
- Рождественский Вс. Страницы жизни: Из литературных воспоминаний. 2-е изд. М., 1974. С. 156.

Мировая война и цикл «Кризисов» Андрея Белого

Германская культура была второй родиной Бориса Бугаева с юношеского увлечения Шопенгауэром и Ницше или даже начиная с немюк-гувернанток, читавших ему немецкие стихи и сказки; он не помнил, с какого возраста понимал по-немецки¹. К этому нужно добавить многолетние занятия Кантом и неокантианством, музыку Шуберта и Шумана, штейнерианство и несколько лет жизни в Германии и в немецкой Швейцарии. Единственный предпринятый им в жизни поэтический перевод осуществлялся с немецкого², единственный раз, когда он писал не на родном языке, это тоже был немецкий³. В русско-германской войне Белый волей-неволей чувствовал себя оказавшимся как бы по обе стороны фронта; это хорошо видно, например, в статье «Современные немцы»⁴, мысли которой через 15 лет были положены в основу плана романа «Германия»⁵, главный герой которого, немец, имеет явно автобиографические черты.

Как утверждается в «Современных немцах», «три книги сопровождают» в окопах идеализированного немецкого солдата – «“Заратустра”, Библия, “Фауст”»; в написанном немного позже «Кризисе культуры» обнаруживается, что три книги сопровождают в самых неудобных для чтения условиях, а именно в горах и в пустынях, самого автора – это «Евангелие, “Заратустра”, “Пути посвящения”»⁶. «Пути посвящения» – это мистериальные драмы Р. Штейнера; «Фауст» также ставился антропософами в 1915 г. и понимался как мистериальная драма⁷. Формула «трех книг» встречается в творчестве Белого и раньше: в «Круговом движении», в 1912 г., три книги, которые сопровождают всюду автора – это «Евангелие, “Заратустра” и Гоголь»⁸. Гоголь, единственный рус-

ский автор во всех вариантах триады, вернулся на свое место к концу жизни Белого, во время работы над «Мастерством Гоголя», а в это время, в середине и второй половине 10-х годов, в круг чтения символического «немца» и символического «автора», кроме вненационального Евангелия, только немецкие книги. Выдержанный в гоголевской стилистике образ имеет под собой вполне реальную базу: если просмотреть список книг, упоминаемых и цитируемых в «Кризисе сознания»⁹, мы увидим цитаты и ссылки на Канта, Гёте, Ласка, Штейнера, Христиана Моргенштерна, на Эйнштейна в оригинале, увидим круг чтения скорей образованного немца тех лет, чем русского. Заканчивается же «Кризис сознания», в соответствии с формулой, своеобразным анализом Евангелия как мистериальной драмы.

В силу этого тот исторический кризис, «слом» (также название запланированного романа¹⁰), который для русского сознания остается связан прежде всего с революцией и Гражданской войной, для Белого, как для многих французских и немецких интеллектуалов, оставался связан и с Первой мировой; это ясно, например, из финала «Москвы под ударом» и начала «Масок».

Во время начала войны, в августе 1914 г., Белый с энтузиазмом работал в Дорнахе столяром, почти забросив сочинительство. «Петербург» был закончен, новые книги еще не начаты. Дорнах – пригород Базеля, находящегося прямо на границе Швейцарии с Германией: за Базелем на одном берегу Рейна немецкий Баден, на другом – Эльзас. Эльзас был присоединен к Германии после Франко-прусской войны и первая кампания 1914 г. начиналась с французского наступления в Эльзасе; вскоре линия фронта в Эльзасе стала постоянной и не менялась существенно до последнего года войны. Эти события – и паника, вызванная первым наступлением и страхом того, что нейтралитет Швейцарии будет нарушен, и последовавшие бессмысленные, но непрерывные перестрелки – описаны в «Гремящей тишине»¹¹. В «Материале к биографии» дневниковым образом описана сцена того, как антропософский кружок из Дорнаха слушает одну из первых канонад¹²: она отразилась потом в начале «Записок чудака» и в «Москве»; образ доктора Доннера, таинственного зачинщика войны, происходит от грома этих пу-

шек: «Das ist Kanonendonner»¹³, – запомнившиеся Белому в тот вечер слова доктора Штейнера, которые в качестве каламбура можно перевести: «Это [дело рук] пушечного Доннера».

В следующем месяце Белый, по его свидетельству, начинает «писать дневник, из которого впоследствии вышел материал моих кризисов» (конец сентября 1914)¹⁴; потом – «пишу схемы, готовлю отчеты д-ру и разрабатываю тему “Кризиса жизни” вчерне» (октябрь 1914)¹⁵. О «Кризисе жизни» Белый здесь, в написанном в начале 20-х «Материале к биографии», говорит, опережая события: сначала материалы этого дневника были использованы для цикла очерков, печатавшихся в газете «Биржевые ведомости». Белый начал работать над ними в конце 1915 г.¹⁶, а печатались они с 15 марта по 23 августа 1916 г., так что последний вышел через несколько дней после его приезда в Россию. «Кризисом жизни» назван третий из очерков. В России у него возникает план книги «Кризис сознания», частями ее он считает все большие статьи, над которыми работает¹⁷; одновременно он полагает включить в нее многие свои старые статьи. Книга, таким образом, должна была стать чем-то вроде еще одного «Символизма» – как по способу составления, так и по тематике (от философских и общемировоззренческих вопросов до стиховедческой конкретики). Название ее отсылало к вошедшей в «Арабески» статье «Кризис сознания и Генрик Ибсен»¹⁸. Об этой книге «Кризис сознания» 1917 г. Белый пишет несколько раз Иванову-Разумнику и несколько раз упоминает в биографических материалах.

«1917. Февраль. Читаю главным образом поэтов Тютчева, Пушкина, Баратынского <...> Работаю над главами книги “Кризис сознания”. Работаю над собиранием материала по ритмическому жесту. Революция. *Написано*: набросок вчерне, о ритмическом жесте. <...> 1917. Март. Работаю над ритмическим жестом. *Написано*: “О ритмическом жесте” (глава из “Кризиса сознания”)¹⁹».

«Февраль, 17–26, Царское. Работаю над главой “Ритмическом жесте”²⁰».

Рукопись окончания «Ритмического жеста» с датой «21 апреля 1917 г.» сохранилась²¹; там говорится, в частности: «...я кончал свою книгу работою о ритмическом жесте»; имеющаяся в виду

«книга» – «Кризис сознания». Об этом же говорится и в «Жизни без Аси»: «Апрель, 11–22. С утра до ночи работаю над частью книги “Кризис сознания”».

25 апреля Белый пишет Иванову-Разумнику: «Книга моя “Кризис сознания” разрослась; я как-то последнее время отдал ей много души; и – никому-то она не будет нужна»²². 5 мая добавляет, что «“Кризис сознания” вышел в 18 печ<атных> листов»²³.

Иванов-Разумник впоследствии в своем комментарии на письма Белого недоумевал, что это за книга в 18 печатных листов²⁴. С тех пор этот вопрос в литературе о Белом не был прояснен, однако план этого «Кризиса сознания» сохранился²⁵. Датировать листок позволяет то, что «Ритмический жест» обозначен в нем как незаконченный. Кроме того, мы видим, что Белый считает в нем печатные листы, как и в письме Иванову-Разумнику; заголовок «Материал» означает «имеющийся материал для книги». Приведем его полностью.

«Материал»²⁶.

“Творчество мира” ²⁷	1½ печ. листа (не готово: есть черновик)
“Александрия и мы в проблеме востока и запада” ²⁸	2 печ. листа
“Лев Толстой и культура” ²⁹	1½ печ. листа
“Кризис сознания” ³⁰	2½ печ. листа
Символизм	} 1½ печ. листа
Круговое движение	
Нечто о мистике ³¹	
Жезл Аарона ³²	4 печ. листа
О ритмическом жесте (остаток не написан)	2½ печ. листа

$1\frac{1}{2} + 2 + 1\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2} + 1\frac{1}{2} + 4 + 2\frac{1}{2} = 15\frac{1}{2}$ печ. листов.

Из них на лицо:

$2 + 1\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2} + 1\frac{1}{2} + 4 + 1\frac{1}{2} = 12$ печ. листов».

По этому (написанному не позднее марта) плану в «Кризисе сознания» 15½ печатных листов; 25 апреля, как мы видели, Белый жаловался Иванову-Разумнику, что «книга разрослась», а 5 мая пишет, что «“Кризис сознания” вышел в 18 печ<атных> листов»³³ – т. е. к концу весны Белый что-то еще в него добавил относительно имеющегося плана. Нет сомнений, что это статья «О смысле познания», над которой он работал непосредственно после «Ритмического жеста»³⁴.

Однако этот издательский план – «Кризис сознания» 1917 г. – не осуществился. 9 июня 1918 года Белый печатает в газете «Жизнь» статью «Кризис жизни и творчества»³⁵ с характерным объяснением исторической катастрофы неверным (т. е. кантианским) способом мышления и неверным употреблением слов как обозначений понятий. Непосредственно вызывающее войну господство машин – только следствие упомянутого.

Примерно тогда же Белый знакомится с С.М. Алянским, главой «Алконоста», и предлагает «Кризис сознания» ему. В начале переговоров с Алянским проект еще назывался «Кризисом сознания»³⁶ и так анонсировался в издании «Алконостом» летом 1918 г. «Соловьинного сада» А.А. Блока. Но Белый быстро меняет план, создавая четырехчастную схему цикла «На перевале»:

- «Кризис жизни»,
- «Кризис мысли»,
- «Кризис культуры»,
- «Кризис слова».

В таком виде цикл анонсировался в алконостовских изданиях первых трех «Кризисов»³⁷.

Летом 1918 г. Белый быстро пишет – точнее, в основном монтирует из статей в «Биржевых ведомостях», «Жизни» и некоторых других материалов – «Кризис жизни», затем пишет «Кризис

мысли», осенью – «Кризис культуры»³⁸. Эти три кризиса были изданы Алянским и переизданы в Берлине в издательстве Гржебина в 1922 г.³⁹

Но оставался четвертый, обозначенный в аннотациях как «Кризис слова». Весной 1919 г., как ясно по письмам к Алянскому, Белый снова пересматривает план, причем много раз. Начало марта 1919 г.: «вместо “Кризиса слова”, т. е. 4-ой части “На перевале”, дам “Кризис Я”, составленный из тем “Дневника”»⁴⁰. «Дневник» – это недавние статьи Белого «Дневник писателя»⁴¹, развивающие, в частности, принципиальную для «Кризисов» тему отказа от привычных жанровых форм. Середина марта: «А вместо 4-го выпуска “Кризиса сознания” даю: “Новое сознание” (материал почти обработанный уже готов)»⁴². «Кризисом сознания» здесь автор в спешке называет весь цикл четырех «Кризисов»; именно это название продолжало оставаться для него привычным. Эти планы также не осуществились.

Зимой, 28 января 1920 г., Белый заключает с издательством Гржебина договор на Собрание сочинений и составляет его план, который в начале июля отправляет Иванову-Разумнику⁴³. В этом собрании «Кризисом сознания» назван XVI том. Он должен был включать три уже написанных и изданных «Кризиса» («мысли», «жизни» и «культуры»), а также некоторые статьи и доклады революционных лет («Утопия», «Революция и культура», «Дневник писателя», «Песнь солнценосца»⁴⁴) и неизданную тогда «Глоссолалию». Последняя в планах Белого иногда занимала место четвертого «Кризиса», «Кризиса слова»⁴⁵.

Этот том тоже не состоялся вместе со всем «гржебинским» Собранием сочинений. Невзирая на его план, Белый практически сразу, в августе, стал писать новый, заверченный осенью и на сей раз окончательный «Кризис сознания», цельную книгу, доведенную до машинописи. Она также была предназначена для «Алконоста»: «Есть для Вас 4-ый Кризис, но не “Кризис Слова”, а новый (вновь написанный)», – пишет Белый Алянскому в начале 1921 г.⁴⁶; Алянский был согласен его издать, но не смог. В 1922 г. в Берлине Белый не включил «Кризис сознания» в перепечатку «На перевале» в издательстве Гржебина вместе с тремя изданными «Кризиса-

ми» (возможно, просто потому, что она делалась с алконостовских книг, а рукописи у него с собой не было). В 1932 г. писатель сам сдал его в архив, сопроводив письмом к будущим исследователям⁴⁷, и он так и остается неизданным⁴⁸.

Таким образом, четырехчастный цикл был завершен; характерно упрямство Белого в написании четвертой части – даже предлагая Алянскому весной 1919 г. в качестве 4-го то одно, то другое, Белый самой четырехчастности ни разу не нарушает. Четыре части – привычный для Белого план симфонии; «Кризисы» похожи на симфонию музыкальностью и спонтанностью; лирическая проза непосредственного наблюдения, пейзажа или урбанистической зарисовки переходит в них в размышления общего характера, научные, философские или мистические, имеющие пределом понимание исторической судьбы человечества. Если считать, что цикл завершен, то, как четвертая часть 1-й и 4-й симфонии описывает то ли рай, то ли другое нездешнее место, так и в четвертый «Кризис» включено толкование Евангелия и «истинного» (т. е. для Белого такого, как у апостола Павла) христианства.

Книга, которая является непосредственным продолжением дневника, начатого в Дорнахе примерно с началом войны, – это «Кризис жизни». В итоговом виде⁴⁹ он собран таким образом:

<i>«Кризис жизни», главы</i>	<i>Источники</i>
1	«Гремящая тишина» ⁵⁰ (1, без начала, сокращено)
2	«Кризис жизни» ⁵¹ (1)
3	«Кризис жизни» (1, 2); «Горизонты сознания» ⁵² (3, одна фраза)
4	«Гремящая тишина» (2, из разных мест, частично)
5–6	«Кризис жизни» (2, начало)
7	«Природа» ⁵³ (2, сокр.)
8	«Горизонты сознания» (1, конец); «Природа» (3, конец)
9	«Кризис жизни» (2)
10–14	«О злободневном и вечном» ⁵⁴ (1–3, незнач. правка)
15	«Кризис жизни» (2 конец, 3)

16	«Гремящая тишина» (1 – после того, что в 17)
17	«Гремящая тишина» (1, сокр., доб.)
18	«Гремящая тишина» (2, 3, отдельные фразы)
19	
20–22	«Верное знание» ⁵⁵ (1–4, сильно сокращено)
23–24	«Жизнь» ⁵⁶ (1–3, сильно сокращено)
25	«Гремящая тишина» (2, пара фраз); «Горизонты сознания» 3 (пара фраз)
26	«Гремящая тишина» (2, 3 из разных мест)
27	«Гремящая тишина» (3)
28	«Горизонты сознания» (1 первая половина; небольшая правка)
29–30	
31–33	«Мысли из лени» ⁵⁷
34–39	«У немецкой границы» ⁵⁸ (1–3, незнач. правка)
40	«Горизонты сознания» (2, несколько фраз)
41–43	«Мертвые города» ⁵⁹ (2–3, сокр.)
44	«Гремящая тишина» (3)
45–54	«Восток или запад» (из «Эпохи») ⁶⁰ (1–10)
46–50	«Восток или запад» ⁶¹ (1–5)
55–62	«Восток или запад» (из «Эпохи») (50–57)
63	«Горизонты сознания» (3, одна фраза)

В результате получилось, что некоторые статьи из «Биржевых ведомостей» не вошли вообще, например «Современные немцы», «Петроград и Москва в освещении прессы немецкой Швейцарии», значительная часть «Горизонтов сознания», «Природы»; некоторые, напротив, вошли целиком и подряд: «У немецкой границы», «О злободневном и вечном», «Мертвые города» (кроме начала). Некоторые же, а именно первые три, а именно «Гремящая тишина», «Горизонты сознания» и «Кризис жизни», в разной степени (в особенности первая, в меньшей степени вторая, еще в меньшей третья), разносятся автором в разные места книги и ризируются. Белый делает их повторяющимися лейтмотивами цело-

го, если снова прибегать к метафоре симфонической музыки, или основными линиями мозаики (метафору мозаики он также применял к своему способу письма в поздний период⁶²). То, что исходные тексты мозаики «Кризиса жизни», в отличие от многих потерянных им черновиков, сохранились, делает книгу прозрачной для исследования этой формы. Из более ранних вещей по форме на «Кризис жизни» больше всего похоже также описывающее Базель «Круговое движение» 1912 г., статья, «вся методология которой», по выражению Ф. Степуна, должна быть решительно изъята из компетенции философии и эстетики и вручена, как это ни странно, компетенции хореографии»⁶³; «круговое движение», возвраты в исходную точку – характеристика и содержания статьи, и ее формы.

Такой исходной точкой, или лейтмотивом, в «Кризисе жизни», как следует из представленной выше схемы, является статья «Гремящая тишина». Буквально это словосочетание обозначает именно грохот пушек «лотарингской кампании», негромкий в отдалении и ставший за два года настолько привычным (ведь линия фронта не двигалась, и этим Первая мировая изводила чуть ли не больше всего), что воспринимается как тишина, подобно стершимся повседневному звукам, подобно «реву местного водопада». Аллегорическое значение развивает в тех же статьях (в «Горизонтах сознания») сам Белый; это предсказания Ницше, Ибсена и других о грядущем кризисе, предсказания, которые Европа не расслышала.

Однако этот образ в творчестве Белого значительно старше войны. Как свидетельствует вошедшая в «Луг зеленый» статья о Брюсове, вначале это было определение поэзии, или, точнее, символистской поэзии, которая всегда есть «предвкушение громов последних и тишины последней»⁶⁴. Это определение поэзии как смутного пророчества. Летом 1911 г. Белый жил с Асей Тургановой в имении ее родителей на Волыни, под Луцком, и, по его уверениям, они (а равно и третьи лица) постоянно слышали некий будто бы грохот телеги, которой при этом не было. В письмах к Блоку именно этого времени Белый говорит об этом звуке еще в контексте «есть же на свете таинственные вещи»⁶⁵. В более поздних документах Белый вспоминает его неоднократно, утвер-

ждая, что это был именно тот звук, который он слушал в Базеле два года; это звук войны, особенно тяжело прошедшей по Волини. Белый связывает с ним свое творчество этого периода, в котором часты образы скачущих в бой рыцарей, и творчество Блока периода стихов о Куликовской битве⁶⁶, которые тоже означали предчувствие войны. Мало того, в начале 20-х гг. Белый утверждает, что такой же звук слышал и в июле 1914 г., когда в обществе других антропософов был на Балтийском море; все слышали с моря будто бы гром пушек, – как предвестие войны, которая начнется через месяц⁶⁷. Даже то вдохновение, которое весной 1901 г. привело его к сочинению II Симфонии, он описывает в терминах мрачного грома, которого не слышно в тишине⁶⁸. Таким образом тема поэтического вдохновения и исторической катастрофы сливаются окончательно; миссия Кассандры, непонятой пророчицы – это и есть миссия поэта-символиста. Предельным референтом, или означаемым, или просто смыслом творчества оказывается не политика, но история, меняющая жизнь народов. В «Мастерстве Гоголя», к концу деятельности Белого, этот принцип анализа выражен вполне эксплицитно.

В «Кризисе жизни» Белый создал жанровую модель, которую повторил как минимум потом еще трижды, в других «Кризисах», особенно в последнем, неизданном. Аполитичный индивидуум, вырванный катастрофой быта из привычных объяснительных схем, своего рода двойным гражданством, о котором говорилось выше, из объяснений, к которым подталкивает война, воспринимает историю непосредственным наблюдением, потому начало развития текста – всегда пейзажная, бытовая или урбанистическая экфраза, проникнутая чувством, но скрупулезно детализированная, от которой совершается переход к различным объяснениям – философским, иногда образно-символическим (в конце «Кризиса мысли»), историко-философским, историко-культурным, иногда взятым даже из точных наук (математики в «Кризисе мысли», физики в «Кризисе сознания»), а также из науки, которую Белый считал своей и называл «теорией слова» (в «Кризисе сознания»). Результат выглядит аморфным с точки зрения традиционной жанровой системы и среди книг Белого в

наибольшей степени отвечает определению «поток сознания», которое нередко к нему применялось. Иными словами, формой, которую впоследствии назвали «потоком сознания», Белый пробовал описать его кризис – а война является скорее следствием такового, чем причиной. Но сознание Белого всегда ищет смысла и объяснения, потому спонтанность его «потока сознания» не оборачивается бессмысленностью.

Наконец, можно сказать два слова об эстетике описательной части «Кризисов». Творчество позднего Белого иногда сравнивают со стилистикой немецкого экспрессионизма (см., например, работы Т. Николеску⁶⁹); Я. Шулова показывает в «Москве» эстетику немецкого Ренессанса, Гольбейна и Кранаха⁷⁰. С этим нельзя не согласиться, особенно помня о таком художнике, как Отто Дикс, работы которого 20-х гг., преувеличенно красочные, преувеличенно заостренные и детализированные, гротескные, хотя изображают Германию, являлись бы лучшими иллюстрациями к «Москве». Известность Дикса начиналась с работ военных лет, в которых окопы соседствуют с черепами, напоминающими гравюры немецкого Ренессанса; к концу своей деятельности Дикс иногда воспроизводил манеру мастеров немецкого Возрождения один в один. В «Кризисе жизни» и в одной из составивших его статей, «У немецкой границы», Белый сам называет такую же стилистическую доминанту – гравюры Ганса Гольбейна-младшего из цикла «Dance macabre», на которых весело скалящийся скелет вторгается в заботливо прорисованные бытовые сценки.

¹ Лет с трех – см.: *Белый А.* Между двух революций. М., 1931. С. 177.

² *Штейнер Р.* У врат посвящения / Пер. А. Белого; публ. С. В. Казачкова // Литературное обозрение. 1995. № 4/5 (252). С. 69–74.

³ *Belyj A.* Die Anthroposophie und Rußland // Die Drei. 4. Heft (July 1922).

⁴ Биржевые ведомости. 1916. № 15573. 22 мая, утр. вып. С. 2.

⁵ *Лавров А. В., Гречишкин А. С.* Символисты вблизи. СПб, 2004. С. 376–382.

⁶ *Белый А.* На перевале. М.; Б., 1922. С. 152 (Кризис культуры, гл. 6).

⁷ Белый А. Материал к биографии (интимный...), июнь 1915 (см.: Малмстад Дж. Андрей Белый и антропософия // Минувшее. № 8. М., 1992. С. 470 и след.). Ася Тургенева участвовала в постановке.

⁸ Белый А. Круговое движение // Труды и дни. 1912. № 4–5. С. 57. Гл. 11.

⁹ РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 64.

¹⁰ Лавров А.В. Рукописный архив Андрея Белого в Пушкинском доме // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1978 год. Л., 1980. С. 39.

¹¹ Биржевые ведомости. 1916. № 15442. 15 марта, утр. вып. С. 2.

¹² Минувшее. М., 1992. № 6. С. 407 (август 1914).

¹³ Это гром пушек (нем.).

¹⁴ Минувшее. № 8. С. 409.

¹⁵ Там же. С. 410.

¹⁶ Белый А. Ракурс к дневнику (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 100. Л. 77).

¹⁷ Из «Жизни без Аси» (ОР РГБ. Ф. 25. Оп. 31. Ед. хр. 1): «Октябрь, 1–30, Москва. Написана глава книги “Александрия”» (речь о статье «Александрия и мы в проблеме Востока Запада»); 26 января 1917 г.: «с благодарностью принимаю Ваше любезное предложение устроить статью мою “Жезл Аарона”, если только он, этот жезл, будет напечатан ранее лета, ибо он входит в книгу мою “Кризис сознания”, которая появится летом или к осени. Мне только надо будет записать 2-ю часть и все это переписать» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. СПб., 1998. С. 92). См. ниже о том, что главами «Кризиса сознания» автор считал «О ритмическом жесте».

¹⁸ Белый А. Арабески. М., 1911. С. 161–210.

¹⁹ Белый А. Работа и чтение (ОР РГБ. Ф. 25. К. 31. Ед. хр. 6).

²⁰ Белый А. Жизнь без Аси.

²¹ ОР РГБ. Ф. 25. К. 4. Ед. хр. 1. Л. 3, 51.

²² Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 100.

²³ Там же. С. 108.

²⁴ Комментарий Иванова-Разумника цитирует А.В. Лавров (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 109).

²⁵ ОР РГБ. Ф. 25. К. 3. Ед. хр. 6. Л. 44 об.

²⁶ Т. е. «имеющийся материал для книги».

²⁷ Лекция, которую Белый читал в ноябре 1916 г. в Москве (см. «Жизнь без Аси»), а 16 февраля 1917 г. в Петербургском религиозно-философском обществе. Содержание известно по рецензии в «Утре России».

²⁸ Доклад, который Белый написал в октябре 1916 г. (см.: «Жизнь без Аси»; «Себе на память», № 247) и прочитал в Московском религиозно-философском обществе 30 ноября, а в Петербургском 12 февраля 1917 г. Текст доклада, являющийся на самом деле неполной рукописью статьи «Восток

или запад» (Эпоха. М.: Альциона, 1918. Сб. 1. С. 161–210), сохранился, издан М.С. Киктевым в: Ариаварта. 1998. № 2. С. 257–278 (перепечатан: Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге [Петрограде]: История в материалах и документах [1907–1917]. М., 2009. Т. 3. С. 476–498).

²⁹ Напечатано в: О религии Льва Толстого. М., 1912. С. 142–171.

³⁰ Вероятно, это наброски, озаглавленные «Кризис знания», в составе которых сохранился и этот подсчет листов; они являются ранней редакцией книг «Кризис жизни» и «Кризис мысли».

³¹ Белый объединяет фигурной скобкой довоенные статьи из «Трудов и дней». «Круговое движение» напечатано в: № 4–5, июль–октябрь 1912 г. С. 51–73; «Нечто о мистике» № 2, март–апрель 1912 г. С. 46–52. «Символизм» – по всей вероятности, открывающая тот же номер журнала статья «О символизме» (с. 1–7), но нельзя исключать, что статья с тем же названием из предыдущего номера (№ 1, январь–февраль 1912 г. С. 10–24).

³² Напечатан в «Скифах» (С. 155–212).

³³ Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 108.

³⁴ «Март. Сергиев Посад. <...> оканчиваю свой “Ритм и смысл”; пишу “О смысле познания”» (Белый А. Ракурс к дневнику... Л. 86); «“Ритмический жест” пишется у Вас и доделывается у С. М. Соловьева (в Посаде): февраль–март. “О смысле познания” пишется в марте–апреле» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка... С. 514). Эти свидетельства вместе с содержательной связью финала «Ритмического жеста» и тематики «О смысле познания» убеждают, что дата «1916» под изданием «О смысле познания» (Пб., 1922; переизд.: Минск, 1991) – результат ошибки. К примеру, под написанным в 1918 г. в Москве «Кризисом жизни» Белый также поставил дату «Дорнах, 1916 год».

³⁵ К ней примыкает архивный набросок характерной тематики и стилистики (ОР РГБ. Ф. 25. К. 3. Ед. хр. 12. Л. 2об.–3).

³⁶ Письмо Алянского от 6 июля 1918 г. (Андрей Белый и С. М. Алянский. Переписка // Лица. СПб., 2002. Вып. 9. С. 69).

³⁷ Первые два в 1918, третий в 1920 г.

³⁸ Среди его источников несомненно, лекции, читавшиеся в Антропософском обществе одновременно с работой над ним, осенью–зимой 1918 г. («О живоносном ручье европейской культуры», «О короне любви и мистерии смерти в антропософском раскрытии», «Зимнее странствие, ночь: полуночное солнце культуры»; см.: Малмстад Дж. Андрей Белый и антропософия // Минувшее. № 9. М., 1992. С. 475–476, 479, 484).

³⁹ Белый А. На перевале. М.; Б., 1922.

⁴⁰ Андрей Белый и С. М. Алянский. Переписка. С. 88.

⁴¹ Белый А. Дневник писателя // Записки мечтателей. 1919. № 1. С. 119–132; Белый А. Дневник писателя: Почему я не могу культурно работать // Записки мечтателей. 1921. № 2/3. С. 113–131.

⁴² Андрей Белый и С. М. Алянский. Переписка. С. 90–91.

⁴³ Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 205.

⁴⁴ «Утопия» напечатана в «Записках мечтателей» (1921. Вып. 2–3. С. 139–144; подписана *Alter Ego*), «Песнь солнценосца» – в «Скифах» (1918. Вып. 2. С. 6–10). «Революция и культура» опубликована отдельной брошюрой (М., 1917).

⁴⁵ См. подробнее в упомянутых письмах к Алянскому.

⁴⁶ Андрей Белый и С. М. Алянский. Переписка. С. 105.

⁴⁷ РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 65. Л. 4.

⁴⁸ Заключительная часть издана отдельно под другим названием (*Белый А. Евангелие как драма* / Изд. Э. Чистякова. М., 1996). В ней точно отражены материалы публичной лекции сентября 1920 г. «Две стихии в современном христианстве» (см.: *Мальмстад Дж. Андрей Белый и антропософия* // *Минувшее*. № 9. С. 480).

⁴⁹ Детали процесса можно уточнить по упоминавшейся рукописи «Кризис знания».

⁵⁰ Биржевые ведомости. 1916. № 15442. 15 марта (утр. вып.) С. 2.

⁵¹ Там же. № 15472. 30 марта, утр. вып. С. 2.

⁵² Там же. № 15446. 17 марта, утр. вып. С. 2.

⁵³ Там же. № 15488. 7 апреля, утр. вып. С. 2.

⁵⁴ Там же. № 15635. 23 июня, утр. вып.

⁵⁵ Жизнь. 1918. № 10. 4 мая (21 апр.). С. 2.

⁵⁶ Там же. № 14. 12 мая (29 апр.). С. 3.

⁵⁷ Алессандро Комелли. «Мысли из лени» Андрея Белого [Из дневника философских мыслей] // *Russian Literature*. LVIII (2005). Pp. 85–92.

⁵⁸ Биржевые ведомости. 1916 г. № 15573. 29 апр., утр. вып. С. 2.

⁵⁹ Там же. № 15745. 17 авг. (утр. вып.). С. 2.

⁶⁰ Эпоха. М.: Альциона, 1918. Сб. 1. С. 161–210.

⁶¹ Биржевые ведомости. 1916. № 15661. 6 июля, утр. вып. С. 2.

⁶² Бугаева К. Н. Воспоминания об Андрее Белом. СПб., 2001. С. 191.

⁶³ Степун Ф. А. Открытое письмо Андрея Белого по поводу статьи «Круговое движение» // *Труды и дни*. М., 1912. № 4–5. С. 75.

⁶⁴ *Белый А.* Луг зеленый. М., 1910. С. 164.

⁶⁵ Андрей Белый, Александр Блок. Переписка / Изд. А. В. Лавров. М., 2001. С. 454 (письмо от 1/14 мая 1912 г.).

⁶⁶ *Белый А.* Воспоминания о Блоке. М., 1995. С. 384–386 (гл. 9, глава «Время разочарований»). Ср. примерно то же в: *Белый А.* Между двух революций. Часть вторая // *Литературное наследство*. М., 1937. Т. 27/28. С. 447–448.

⁶⁷ *Белый А.* Материал к биографии (интимный)... // *Минувшее*. № 6. М., 1992. С. 401.

⁶⁸ Они с Петровским «переживали незабываемые вечера грозных предчувствий какого-то огромного будущего»: «А. С. в эти годы всегда поднимал во мне переживания грозного, над нами нависшего «конца»; гром апокалиптических событий из будущего ясно чувствовался; просидев вечер у Петровского, я возвращался домой Мертвым переулком и переживал Москву совсем по-особенному; целые ночи я проводил в моей арбатской квартире без сна, пугаясь тишины <...>» («Материал к биографии (интимный)», цит. по: Переписка Андрея Белого и А. С. Петровского / Вступ. ст., сост., коммент. и подг. текста Дж. Мальмстада. М., 2007. С. 10).

⁶⁹ *Николеску Т.* Белый и экспрессионизм // Андрей Белый в изменяющемся мире. К 125-летию со дня рождения. М., 2008. С. 441–451.

⁷⁰ Шулова Я. А. «Петербург» и «Москва» А. Белого: (Вопросы генезиса поэтики). СПб., 2009. С. 246–292.